

Глава 23. Великий переполох

— Разве это не Глава ордена Лю из ордена Свободного скитания? Зачем он пожаловал в наши края?

Стоило прозвучать названию ордена Свободного скитания, как на прибывшего устремились десятки любопытных взоров: каждому нетерпелось воочию увидеть человека, столь высоко стоящего в иерархии поднебесного воинства.

Однако миг спустя в толпе пронеслось тихое разочарование.

При упоминании родной обители Лю Мухань невольно сжал пальцы в кулак под столом. Как и все остальные, он устремил взгляд на дорогу.

С тех пор как юноша покинул стены ордена Свободного скитания, минуло шесть долгих лет. Горькие обиды тех дней по-прежнему бередили душу, но лица виновников его бедствий уже начали стираться из памяти.

Он лишь смутно помнил, что некогда глава ордена Лю отличался статью и благородным изяществом.

Лю Чэнчжи находился совсем рядом. Муханю хватило одного мимолетного взгляда, чтобы разглядеть его лицо, однако увиденное привело юношу в замешательство. Тот человек показался ему чужим, словно они никогда прежде не встречались.

Присмотревшись внимательнее, Мухань всё же уловил в чертах незнакомца знакомый абрис шестилетней давности. Но как же он изменился! Виски густо припорошила седина, бывшая удаль бесследно испарилась, а в его потухшем взгляде застыла неизбывная тоска.

Поверить, что этот изможденный странник — некогда грозный и прославленный предводитель великого ордена, не смогли бы ни умудренные опытом мастера боевых искусств, ни простые обыватели.

В этой глуши, где чужаки из цзянху появились лишь недавно, по-прежнему преобладали мирные жители. Овеянный легендами мир боевых искусств всегда манил простых людей, а громкое имя ордена Свободного скитания было у всех на слуху.

В воображении горожан великие воины рисовались истинными небожителями, исполненными величия, а не утомленными путниками, неотличимыми от серых крестьян. Неудивительно, что разочарование толпы было столь глубоким.

— Приветствуем главу ордена Лю!

Стоило Лю Чэнчжи подойти ближе, как несколько стоявших неподалеку мастеров вежливо поднялись со своих мест и сложили ладони в приветственном жесте.

— Почтенный Глава ордена Лю, что заставило вас пуститься в столь спешный путь? Вы кажетесь утомленным дорогой.

— А, братья из школы Таинственного сияния, — вяло отозвался Лю Чэнчжи. Он и сам понимал, что выглядит сейчас не лучшим образом, а потому не имел ни малейшего желания пускаться в долгие разговоры. — До меня дошли слухи, будто градоначальник Каменного спокойствия владеет редчайшим снежным лотосом Тянь-Шаня. Ради него я проделал весь этот долгий путь из Морской префектуры. Спешил так, что даже не успел привести себя в порядок. Простите мне этот недостойный вид.

— Вот оно что... Поистине, безграничная отцовская любовь! Мы можем лишь благоговеть перед вашим самоотверженным сердцем, Глава ордена Лю.

— Силы на исходе, позвольте мне откланяться и найти ночлег.

— Доброго вам пути, Глава ордена Лю. Позаботьтесь о себе.

Короткая беседа мгновенно разожгла любопытство зевак. Как только Лю Чэнчжи скрылся из виду, один из торговцев не выдержал и спросил:

— Уважаемые мастера, а чем же так прославлен этот Глава ордена Лю? Школа Таинственного сияния — грозная сила в цзянху, но даже вы говорите о нём с таким почтением.

К разговору прислушивались не только досужие лавочники, но и молодые воины, лишь недавно ступившие на тропу боевых искусств и жаждавшие узнать побольше о признанных авторитетах.

Ученики школы Таинственного сияния снисходительно улыбнулись. Тот, что говорил с главой Лю, наставительно произнес:

— Глава ордена Лю — человек редкого благородства и чистейшей души. Его нынешний невзрачный облик — не признак упадка, но свидетельство великого отцовского подвига, перед которым каждый из нас обязан склонить голову.

— И в чём же заключается этот подвиг? — раздался чей-то голос из толпы.

— Кое-чего вы не знаете, — охотно пояснил мастер школы Таинственного сияния. — Шесть лет назад на любимого сына Главы ордена Лю напали коварные враги. Несчастному нанесли тяжелейшие раны: все внутренности были повреждены, а энергетические меридианы искалечены так, что любая попытка направить внутреннюю энергию причиняет ему

невыносимые муки. Ослепленный горем отец поклялся во что бы то ни стало исцелить своего единственного наследника. Годами он странствует по Поднебесной в поисках редчайших лекарств. И сюда, в Каменное спокойствие, он прибыл лишь ради снежного лотоса Тянь-Шаня. Разве смеем мы судить о его внешности, зная о столь великой и чистой жертве?

— Какая трогательная преданность... — зашептались в толпе. — Поистине, такое отношение к сыну — великая редкость. Но неужели за столько лет так и не нашлось способа исцелить юношу?

— Увы, — вздохнул рассказчик. — Пока все усилия напрасны, состояние молодого господина не улучшилось ни на йоту. Но раз уж Глава ордена Лю возлагает такие надежды на здешний снежный лотос, остается лишь молиться, чтобы это чудодейственное средство помогло. Это стало бы величайшим благословением небес.

— Великое счастье — иметь такого отца! Сын Главы ордена Лю воистине благословлен судьбой.

— Потрясающая история, достойная песен и баллад!

Всего за несколько мгновений отношение толпы к усталому путнику переменилось на противоположное. Жители Каменного спокойствия наперебой превозносили добродетели Главы ордена Лю, и слава ордена Свободного скитания разгорелась с новой силой.

Тем временем за своим скромным столиком Лю Мухань и маленький Шэнь Синхань уже доели горячие цзяоцзы.

— Брат, тебе грустно? — тихо спросил Сяо Хань, осторожно потянув Муханя за рукав.

— Вовсе нет, — юноша ласково сжал маленькую ладошку ребенка. — Просто... мне показалось это забавным. В жизни слишком многое идет наперекосяк, глупо надеяться, что всё всегда будет складываться гладко.

— Разве у тебя тоже бывают печали?

— Конечно, глупышка, — Мухань мягко улыбнулся, помогая мальчику спуститься со стула. Они неторопливо побрели обратно к постоялому двору. — Раньше я часто сокрушался о прошлом. Но теперь понимаю, что тратить на это слезы и злость не стоило.

Время летит неумолимо. С того дня, как он покинул порог ордена Свободного скитания, миновало долгих шесть лет.

За эти годы он провел два спокойных года в Малом загородном поместье, затем еще два года перенимал мудрость у странного старика, а после на два долгих года уединился на обдуваемой

ветрами вершине Снежной горы. Если вдуматься, его пребывание в самом ордене длилось тоже всего пару лет. Тогда это время казалось ему нескончаемым адом, кошмаром наяву, но теперь раны затянулись, оставив лишь блеклые шрамы.

Когда люди ордена отыскиали его и вернули в лоно семьи, юный Мухань всем сердцем тянулся к обретенным родителям, надеясь на тепло и ласку. Увы, беспросветные будни, наполненные холодным безразличием и упреками, быстро вытравили из его души остатки этих иллюзий. Надежда угасала долго, капля за каплей, пока не испарилась окончательно.

Внезапная встреча с Лю Чэнчжи застала его врасплох. Уходя из ордена, Мухань поклялся себе, что больше никогда не пересечется со своим так называемым отцом. Судьба, однако, распорядилась иначе, словно подавая ему некий тайный знак.

— Брат, я спать хочу... — пробормотал уставший Сяо Хань, доверчиво утыкаясь личиком в пояс юноши и обнимая его обеими ручонками.

— Иди ко мне, — Мухань легко подхватил малыша на руки и ласково погладил его по спине. — Спи, мой хороший. Я рядом и никуда не уйду.

Мальчик согласно угукнул, устроил голову на плече юноши и крепко обхватил его шею тонкими ручками.

Тихое, размеренное дыхание ребенка согревало шею Муханя. В этот прохладный вечер хрупкое тельце на руках дарило ему подлинное умиротворение. Шаг за шагом гнев и горечь отступали, и к концу пути образ нежданно встреченного отца окончательно растаял в темноте его мыслей.

Мухань по привычке свернул к черному ходу постоянного двора. Здесь, вдали от шумных застолий у главного входа, царило благословенное безмолвие.

Однако у самых дверей тишину двора нарушил приглушенный шепот.

— Сюда набежала целая орава бойцов. Докладывают, что даже сам глава ордена Свободного скитания пожаловал. Как бы наши планы не пошли прахом.

— Ха! Да что нам этот орден? Тоже мне, защитники слабых! Лю Чэнчжи — лицемерная тварь, которая только и умеет, что корчить из себя поборника справедливости. Обыкновенный лжец. Кабы не его высокое мастерство, его давно бы уже пустили на корм червям.

Укрывшись за углом, Мухань невольно задумался.

«Лю Чэнчжи... Стало быть, так зовут главу ордена?»

В детстве он слышал лишь уважительное «глава», а дома к нему обращались не иначе как «супруг» или «отец». Настоящее имя родителя открылось ему лишь сейчас, из уст неведомых заговорщиков.

— Лжец он или святой — неважно. Его появление в Каменном спокойствии путает нам все карты. Город и без того кишит так называемыми праведниками, а присутствие столь грозного противника делает любое неосторожное движение смертельно опасным. Нам нельзя высовываться.

— Ну и пусть себе патрулирует. Наш замысел ему не разгадать. О сокровищах знают единицы. Сейчас в Каменном спокойствии такое столпотворение, что затеряться в толпе проще простого. Когда пробьет час, мы тихо ускользнем, и никто ничего не заподозрит.

Мухань похолодел. Слово «сокровища» заставило его затаить дыхание. Он изо всех сил старался не издать ни звука, понимая, какими неприятностями грозит случайное разоблачение.

Но стоило ему замереть, как на стену перед ним легла зловещая густая тень.

В следующий миг чья-то мощная пятерня грубо ухватила его за шиворот и бесцеремонно выволокла из укрытия вместе с крепко спящим малышом.

Шептавшиеся заговорщики испуганно отпрянули, но, разглядев фигуру напавшего, поспешно склонились в глубоком поклоне:

— Глава зала Му! Какими судьбами вы...

— «Никто ничего не заподозрит»? — ледяным тоном передразнил их вошедший, и в его взгляде блеснула жестокая искра. — У вас под носом стоят двое детей, а вы даже ухом не повели! И с такой куриной слепотой вы собираетесь обвести вокруг пальца лучших бойцов Поднебесной?

Собеседники испуганно устали на притихшего Муханя. Осознание того, что секретный разговор подслушан посторонними, лишило их дара речи. Они мгновенно рухнули на колени, дрожа от страха:

— Пощадите, глава зала! Смилуйтесь!

— Ступайте к палачу. Каждому по сто плетей. Если еще хоть раз услышу, как вы треплете языками о делах ордена на улице, лишитесь голов! — отрезал Глава зала Му.

— Благодарим за милость, глава зала! Мы немедленно примем наказание!

Заговорщики поспешно поднялись и бросились прочь, однако перед тем как скрыться в темноте, один из них одарил Муханя полным бешеной злобы взглядом.

Юноша лишь крепче прижал к себе спящего Сяо Ханя, ласково похлопывая его по спине. До чужой ненависти ему не было дела — главное, чтобы крики не разбудили ребенка.

— А ты на редкость спокоен, мальчик, — прищурился Глава зала Му, медленно извлекая клинок из ножен. Сталь зловеще звякнула в тишине подворотни. — Впрочем, неудивительно. Обладать столь выдающейся внутренней энергией в твои годы — завидный дар. Жаль только, что твои уши слышали лишнее. Живым ты отсюда не уйдешь.

Мухань осторожно отступил на шаг, стараясь говорить как можно ровнее:

— Я не понимаю, о чём вы. У меня нет никакой внутренней энергии. Я простой прохожий и ничего не слышал.

— Нет энергии? — насмешливо переспросил глава зала Му. — За кого ты меня держишь? Мои недоумки-подчиненные пусть и глупы, но кое-какие основы знают. Если бы ты был обычным оборванцем, они почуяли бы твоё приближение за версту. Скрыться от них мог лишь мастер, чье мастерство превосходит их собственное.

— У меня правда нет сил, — настойчиво повторил юноша, симулируя испуг и недоумение. — Я шел к дверям, и в этот момент поднялся сильный ветер. Должно быть, шелест листвы заглушил мои шаги, оттого ваши люди меня и не заметили. Я не успел разобрать ни слова из их беседы — едва я подошел, как вы схватили меня за воротник.

— Какая наглая ложь... — Глава зала Му криво усмехнулся, направляя острие меча в грудь юноши. — Смерть стоит у порога, а ты продолжаешь плести небылицы. Довольно разговоров. Отправляйся на тот свет!

С этими словами он замахнулся для удара.

— Стойте! — Мухань поспешно выставил вперед свободную руку. — Мастера вашего уровня ведь могут с легкостью определять течение чужой энергии по энергетическим меридианам? Проверьте сами! Я обычный беззащитный калека, не стоит марать благородное оружие о кровь безвинного простолюдина.

В эту секунду он впервые в жизни искренне порадовался тому, что его энергетические меридианы были когда-то безжалостно разорваны.